

не может писаться безъ художественнаго чутья, такъ одно только художественное чутье, да и то направленное только на прагматическую сторону, не можетъ дать исторіи, Получается безплотная середина, призракъ, безвоздушное пространство, въ которомъ всѣ и Наполеоны, и Александры, и обыкновенные сержанты падаютъ съ одинаковой быстротой. Именно падаютъ. Но судить по этому паденію объ одинаковомъ вѣсѣ и Наполеона и любого капрала, очевидно, нельзя.

Но несмотря на всю силу своего социальнаго индифференцизма, художественное чутье Толстого все же подсказываетъ ему, что люди дѣлаютъ—или, по крайней мѣрѣ, пытаются дѣлать—исторію, что они тяготеютъ къ общественной дѣятельности и ко „всевозможнымъ преобразованіямъ“, которымъ сама Толстой не придаетъ ни малѣйшаго значенія. Далѣе онъ повсюду видитъ, что люди въ этой исторической дѣятельности всегда признаютъ силу единичной личности, за которой эти люди и идутъ въ мнимо дѣланіи исторіи. Культъ героевъ для Толстого новая религія общественной дѣятельности. И поэтому онъ всей силой вооружается противъ „героевъ“ и „геніевъ“, полагая, что если будутъ низринуты идолы—исчезнетъ и идолопоклонство. Стоить, по мнѣнію Толстого, признать безсиліе великаго человѣка, какъ маленькій человѣкъ перестанетъ „дѣлать исторію“, и какъ бы для того, чтобы показать всю необоснованность этого культа онъ говоритъ: „до тѣхъ поръ, пока пишутся исторіи отдѣльныхъ лицъ,—будь они Кесари, Александры или Лютеры и Вольтеры,—а не исторіи всѣхъ, безъ одного исключенія, всѣхъ людей, принимающихъ участіе въ событіи, нѣтъ никакой возможности описывать движеніе человѣчества“¹⁾. И далѣе: „всякій изъ насъ, ежели не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ“²⁾. И наконецъ: „стоитъ только вникнуть въ сущность каждаго историческаго событія, т.-е. въ дѣятельность всей массы людей, участвовавшихъ въ событіи, чтобы убѣдиться, что воля историческаго героя не только не руководитъ дѣйствіями массъ, но сама постоянно руководима“³⁾.

Этимъ мы пришли къ одному изъ наиболѣе сильныхъ мѣстъ Толстого. Онъ съ негодованіемъ отвергаетъ историческій идеализмъ и субъективизмъ, рассматривая ихъ, какъ видоизмѣненія древнихъ теологическихъ взглядовъ на всеиліе Божества въ исторіи. Этимъ духомъ пронизаны для него „всѣ сочиненія новѣйшихъ истори-

1) „В. и М.“

2) Ibid т. III, стр. 272.

3) Ibid.